

Один из героев повести назовет Ретизанова *Дон Алонзо-Кихотидель Ретизанов*, что соотносит героя с образом Дон Кихота, который жил в выдуманном им самим мире, а реальная действительность была чем-то несуществующим. Имплицитные смыслы, обозначенные интертекстом, закладывают в себе содержательно-подтекстовую информацию, которая является наиболее важной для понимания диалога автора и читателя.

Таким образом, для экспликации образа читателя необходимо провести анализ не только языкового, но и структурного уровня произведения, а также выявить все типы информации, заключенные в тексте, что позволит в дальнейшем говорить о возможности представления классификации типов «читателя».

#### Примечания

<sup>1</sup> Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 152.

<sup>2</sup> Большакова А. Ю. Образ читателя как литературоведческая категория // Изв. РАН. Сер. литература и языка. 2003. Т. 62. С. 19.

<sup>3</sup> Данные типы информации подробно описаны И. Р. Гальпериным: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

<sup>4</sup> Источник цитат автором не указан. — *Прим. ред.*

С. Г. Мамечков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

### ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Еще раз о соотношении

грамматического рода и биологического пола

Одним из наиболее сложных вопросов изучения категории рода является вопрос о номинативном потенциале этой категории. История развития науки показывает, что наиболее эффективно оказывается рассматривать научную проблему с точки зрения той теории, которая бы позволяла оставить наименьшее количество необъясненных положений<sup>1</sup>. В данной статье подвоятся итоги наших исследований грамматической категории рода, при этом мы постараемся продемонстрировать преимущества функционального подхода при рассмотрении

© Мамечков С. Г., 2008

данной грамматической категории. Объяснительные возможности функционального подхода отчетливее видны на фоне иных («нефункциональных») подходов.

Так, исторический подход О. Есперсена не позволяет разрешить проблему о соотношении грамматической категории рода и семантической категории биологического пола. «Однако основная проблема остается нерешенной: почему классификация распространяется на все слова, даже и на такие, у которых невозможно увидеть никакой связи с естественным полом? <...> Почему общиндоевропейское слово, обозначающее ноту (*ronis, res, fol* и т. д.), мужского рода, в то время как этимологически не связанные между собой слова, обозначающие как мужского рода (*kneit, tapis, handis, rukid*)? Названия стола, руки, — женского рода (*kneit, tapis, handis, rukid*)? Названия — мысли, плода, прома и т. п. в одних языках мужского, а в других — женского рода. Поистине совершенно невозможно найти в этом хаосе один определяющий принцип»<sup>2</sup>.

Системно-структурный подход к грамматической категории рода<sup>3</sup> и генеративный подход<sup>4</sup> не позволяют отнести род в русском языке к категориям с семантической (а не структурной) доминантой. Подобающее решение обусловлено прежде всего тем, что большинство существительных в русском языке — неодушевленные типа *автомобус, лужа* (их, по данным А.А. Зализняка, 77,6% от общего состава субстантивных лексем), лексическая семантика которых не предполагает реализацию номинативной значимости родовых граммем.

Но если род в русском языке — категория для большинства существительных асемантическая, то возникают следующие вопросы:

а) что позволило поэту сказать:

Почему такая стужа?  
Почему дышу с трудом?  
Потому что *тёпья Лужа*  
Стала *толстым дыней Лыдом* (Е. Евтушенко) —

и отчего ни при каких обстоятельствах (без насилия над языком) невозможен вариант:

\*... потому что *дыня Лужа*  
стал *толстой тёпел Лыдом*,

б) что лежит в основе обыгрывания рода в контекстах типа:

— Когда *она* пойдёт? — Это не *она*, а *он*. *Автомобус*. — А *я* к ней под колеса не загнываю?<sup>5</sup>

Возникнут сомнения в справедливости фактически общепринятого суждения об асемантичности родовых граммем неодушевленных существительных в русском языке. Однако опыт развития науки свидетельствует, что даже наиболее фундаментальные понятия и представления науки «никогда не могут быть окончательно <...> Мы всегда должны быть готовы изменить эти представления»<sup>6</sup>.

Попытаемся теперь проанализировать трансформацию исследовательской позиции, вводя еще один дополнительный критерий — критерий функционирования слова в тексте, переходя тем самым от нефункциональных подходов к языку к функционально-семантическому подходу изучения языковых категорий в речи<sup>7</sup>.

Наше исследование показало, что в текстах, в речи граммемы мужского и женского рода даже у неодушевленных существительных функционируют как наполненные вполне определенным семантическим содержанием. Анализ употребления неодушевленных существительных в целом ряде широко представленных во многих типах текстов речевых ситуаций (например, в ситуации метафоризации, наращения, сравнения — см. ниже) свидетельствует в пользу признания грамматической категории рода существительных такой же полноценной семантической категорией, как, например, вид и время глагола<sup>8</sup>. Рассмотрим эти речевые ситуации подробнее.

**1. Ситуация метафоризации.** Олицетворение, или, в иной терминологии, персонификация, представляет собой вид метафоры, связанный с перенесением человеческих черт (шире — черт живого существа) на неодушевленные предметы и явления. Благодаря олицетворению открываются истинное «лицо» и душевные движения человека, причем не только в поэтическом творчестве, но и в бытовой выразительной речи. Некоторые ученые (например, А. И. Белецкий) говорят даже об особом «инстинкте персонификации в живых языках»<sup>9</sup>.

«Режим наибольшего благоприятствования» для реализации номинативной семантики биологического пола у неодушевленных существительных в ситуации олицетворения связан с оппозицией граммем мужского и женского рода в рамках одного высказывания (или, реже, смежных высказываний, связанных по смыслу). В таком контексте грамматически противопоставленные неодушевленные существительные взаимно подтверждают друг друга в плане реализации ситуации олицетворения.

Сейчас притаились израненный *вечер*.  
Крепился долго, кургузый, шершавый,

И, вдруг надломивши чёрные плечи,  
Расплакался, бедный, по шее *Вуршави*.  
(В. Маяковский. Мама и убитый немцами вечер)

Не менее выразительны различные способы выражения субъектно-предикатных отношений между опорным неодушевленным существительным и его одушевленным коррелятом:

Морей невидимых далёким плижом  
Идёт *луна* —  
Жена моя  
(В. Маяковский. Вывескам);

Когда *ночь* была *девочкой*,  
И каждый день был океанской волной...  
(Б. Гребенников. Джунгли);

Две *подруги*, которые ждут Казанову: одна из них *стирость*, вторая — *смерть* (Э. Радзинский. Загадка Казановы. 1 канал. 2008. 6 янв.).

У существительных *луна*, *ночь*, *стирость*, *смерть* в приведенных фрагментах реализуется стандартный номинативный потенциал граммем женского рода.

При неодушевленном существительном могут быть лексемы, информирующие о характерологических половых признаках лица, обозначенного данным существительным. Так, *мелкие* и, очевидно, *большого* рода — атрибуты лиц мужского пола:

И *вечер*, старый возница  
В *мелкие*, с *бородой*...  
(Ю. Шевчук. Сельское июль);

а *кружесва* характеризуют лиц женского пола, ср.:

*Зима* в наряде чопорной старухи  
Вся в белых *кружесвах* глядит в окно.  
(В. Юнгер. И снова дни торжественны и глухи)

Обыгрывание родовой граммемы иногда становится средством поэтической игры:

Я думаю, их всех [хотел] надо отправлять в партию «Единая Россия».  
*Партия* будет *мама*, а *Пушкин* — *папа* (Обсуждение проблемы клонирования. Эхо Москвы. 2007. 13 нояб.).

**2. Ситуация наращения.** Эта ситуация, как и предыдущая, в обоих чертах была отмечена В. В. Виноградовым<sup>10</sup>: при использовании

неодушевленных, имен для обозначения живых существ используются закономерно, прототипического соответствия между родом слова и биологическим родом существа, например: *Шарик* (можно сказать только о существе мужского пола), *Эра* (только женское имя).

Данная тенденция наращения весьма продуктивна, что подтверждается материалами современного молодёжного сленга. Так, например, обозначение девушки в сленге представлено через следующие (как правило — изначально неодушевленные) существительные: *мелёнка* (о легкодоступной, не стоящей серьёзного внимания девушке), а не *веник*; *мочалка* (о юной девушке-хиппи), а не *ёршик*; *мелко* (о девушке, у которой физические данные превалируют над интеллектуальными), а не *мелод*; или *бык*; *швабра* (о девушке вульгарного поведения), а не *совок*.

С другой стороны, слову *нарень* в литературном языке соответствует вунот в молодёжном сленге такие слова, как *кекс*, *крендель*, а не *булка*, о большем, крупном парне говорят, что он *бугай*, а не *корова* или *кобыла* (как о крупной девушке); *старус* (о высоком), а не *ушляк*; *пух* (о парне из деревни), а не *соха*; *стиручок* (о худом), а не *доска* (как о девушке). Концепту мужчине соответствует в молодёжном сленге *анчоур*, а не *шпрот(ин)а*, *бык* (о накачанном мужчине), а не *корова*, *изюмчик* (о крадучемся), а не *изюминка*; концепту мужик соответствует в молодёжном сленге слово *баклажан*, а не *тыква*; слову *старик* — слово *динозавр* (о старухе *динозавр* не говорят, она — *кочервага*, *оплода*, *олуха*, *швабра*).

3. Ситуация сравнения (включая психологический параллелизм). В речевой ситуации сравнения происходит реализация прототипического семантического потенциала родовой граммемы существительного мужского или женского рода, в системе языка не маркированно-то по признаку биологического пола:

В столону *Сета* воровался как голодный *тигр*. Он готов был зарывать, но воровка сообщила, что никто его не испугается, и рычать не стал <...> Грisha, конечно, попуттил, но *Ванесса* взглянула как дикая *кошка* (К Бульчачёв, Убежище).

Существительные *тигр*, *кошка* могут обозначать существ как мужского, так и женского пола, но в ситуации сравнения, т. е. когда чело-то определённо того пола сравнивается с животным, реализовано прототипическое значение граммем мужского и женского рода: *тигр* — 'мужской пол', *кошка* — 'женский пол'.

В ситуации психологического параллелизма живое существо мужского пола обычно сравнивается с неодушевленным природным объектом/явлением, названным существительным мужского рода, живое существо женского пола — с неодушевленным природным объектом/явлением, названным существительным женского рода:

Каково же *реченке*,  
Каково же *быстрыей*,  
Без *крутых берегов*?  
Таково-то *девице*,  
Таково-то *красавице*  
Без *милова жить без дружки*!  
(Ой, матушка, тошно мне...)¹²

Важно отметить, что семантика неодушевленных существительных может проявляться в текстах, весьма различных с точки зрения стилистической принадлежности (поэзия, включая фольклорные произведения, тексты научно-популярного, публицистического характера и др.).

Наиболее часто примеры реализации семантического потенциала родовых граммем у неодушевленных существительных обнаруживаются в поэзии. М. М. Бахтин писал, что «в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до последних пределов, поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык как бы превосходит себя самого»¹³. Ср., в частности:

*Подбегу с Пирком* сам ад родит  
<...>  
Как выросли они и подоспело время  
Приспирить деток к должностям,  
То, отпуская в мир их к нам,  
Сказал родитель им: «Подите  
Вы, детушки, на свет и землю разделите!»  
<...>  
*Пирк* в отчаянье, и за город идёт  
Увидеться с *госплицей* [Подарой],  
«Чай, в сёлах, — говорит, — живёт она *царичей*...»  
(И. Крылов. Подары и пирк).

Часто семантический потенциал родовых граммем у неодушевленных существительных реализуется также в фольклорных произведениях, особенно в народной песне:

Реализация семантического потенциала родовых трамбем у существительных возможна также в текстах научно-популярного характера. Наиболее показательны в этом отношении модели: «*отцу* [современного]  $X - Y$ », «*мать* [современной]  $Z - G$ », где  $Y$  и  $G$  — неодушевленные существительные мужского и женского рода соответственно. В текстах научно-популярного характера эта модель встречается очень часто:

Фотограф является «родоимцем» современного протирывателя, а «отцом» протирывателя следует считать *граммофон* (<http://www.rodadu.ru/05/12/24/>).

«Бизнес-отец, маркетинг-сын, и корпоративный дух» (<http://www.rusbranding.ru/news/print-749.html>).

Таким образом, анализ текстового материала показывает, что, вопреки бытующему мнению, прамемы мужского и женского рода никогда не бываю́т «пустыми», они системно сохраняю́т свое категориальное значение даже в том случае, если они выражены неодушевленными существительными. В стандартном контексте по понятным причинам семантический потенциал родового прамемы не используется, он, как это часто наблюдается при текстовом взаимодействии элементов смысла, «зачеркивается» лексической семантикой основы, несомненной с идеей биологического пола<sup>14</sup>. Но в особых контекстных условиях (ситуации олицетворения, наречения, сравнения) номинативная семантика биологического пола по мере необходимости ретулирно и неудумшленно реализуется и у неодушевленных существительных.

Итак, мы видим, что при подключении к анализу механизмов и правил функционирования существительных в речи наблюдается ко-дословное расширение сферы реализации системных родовых семан-тических правил: неодушевленные существительные мужского и жен-ского рода в тексте функционируют как обладающие полноценным се-

Подобные закономерности актуализации категориального значения граммем мужского и женского рода во всех классах имен даны основания для выделения особого и очень важного для коммуникации функционально-семантического поля (далее — ФСП) биологического пола, которое до настоящего времени не было выделено. Так, например, А. В. Бондарко принципиально противопоставляет субстантивному мер, А. В. Бондарко принципиально противопоставляет субстантивному мер, категорию рода многим другим морфологическим категориям (время, вид, лицо и т. д.) и отказывает ей в праве формировать особое ФСП<sup>15</sup>. Этот вывод отразился и в уже упоминавшейся коллективной монографии «Теория функциональной грамматики», где соответствующее ФСП не представлено.

Следует отметить, что А. В. Бондарко рассматривает род с позиции ФСП, но включает родовые противопоставления в ФСП одушевленности. То же самое можно отметить и относительно некоторых других исследователей, опирающихся на теорию функциональной грамматики.<sup>16</sup>

Материки .  
Полученные нами в результате исследования данные о функционировании неодушевленных существительных позволяют по-новому взглянуть на эту проблему и выделить особое ФСП биологического пола. При этом в большинстве существительных мужского и женского рода семантика биологического пола не выражена, тем не менее она как системный компонент их прагматического значения латентно присутствует и потенциально может быть однозначно выражена в случае необходимости в коммуникативных ситуациях олицетворения, наречения, сравнения.

речения, сравнения.

В рамках ФСП биологического пола выделяется центр, образуемый собственно морфологическими (флексивными) средствами (на пример, *Мастер* — *Маргарита*), и примыкающими к ним синтаксическими средствами (ср.: *любимый Мастер* — *прекрасная Маргарита*). В данном ФСП есть также периферия, которая формируется словообразовательными средствами (ср.: *старик* — *старуха*, т. е. суффикс *-ик* указывает на принадлежность слова *старуха* к мужскому роду, суффикс *-ух-* — на принадлежность слова *старуха* к женскому роду), а также лексическими (*баран* — *овца*) и синтаксическими средствами: а) через референтные связи с местоимением:

94

95